

**ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ПОИСК И ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ»
КАК ОЛИЦЕТВОРЯЮЩИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Россия, 121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Поступила в редакцию 09.09.2022 г.

Принята к публикации 31.01.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2

Статья посвящена анализу фрагмента метафорической системы языка русской поэзии XIX – XXI веков. Данный фрагмент, в свою очередь, входит в семантический класс олицетворяющих метафор со значением «Язык, речь» и включает в себя единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации». К этой группе относятся две подгруппы слов. Первая связана с «вопросом» (вопрос, спросить, вопрошать, выспросить, спрашивать, спросить, расспрашивать, расспрос, переспросить, допросить, допрос), вторая – с «ответом» (ответ, ответить, отвечать, ответствовать, ответно, ответный). Состав подгрупп определялся с опорой на классификацию, данную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Цель работы – рассмотреть функционирование вышеуказанных лексем в русской поэзии XIX – XXI веков, определить семантические классы предметов олицетворения, с которыми они сочетаются, выявить их роль в организации поэтического текста и связь с мировоззренческими представлениями поэта. Материал для исследования извлекался из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. При анализе языкового материала использовались корпусный метод, метод семантического поля, структурно-функциональный метод. В результате исследования сделаны выводы о сравнительной частоте персонификаторов двух выделенных подгрупп: частота употребления слов со значением «Поиск информации» в качестве персонификаторов в несколько раз меньше, чем слов со значением «Получение информации». Выделены семантические классы предметов олицетворения, выступающие в рассматриваемых конструкциях, и установлено, что их распределение по образам сравнения «вопрос – ответ» неравномерно. Сделан также вывод о том, что рассматриваемые образные средства вносят в текст диалогичность, а в ряде конструкций эта диалогичность повышается. Имеются в виду конструкции с императивом и обращением, прямая и косвенная речь, создающая диалогические, в частности вопросно-ответные, единства. Выявлена роль таких вопросно-ответных единств в организации внутреннего диалога, в процессе которого формулируются важные для поэта мировоззренческие установки.

Ключевые слова: поиск и получение информации, вопрос, ответ, персонификация, язык русской поэзии XIX – XXI веков, диалог, внутренний диалог

1. Введение. Постановка проблемы. Цели исследования

Данное исследование проводится в рамках проекта «Метафоры и сравнения со значением персонификации в русской поэзии конца XVIII – XXI века. Образное поле “Язык, речь”», цель которого – пред-

ставить целостное и многоаспектное описание фрагмента системы метафор и сравнений русской литературы, исследовать его эволюцию на протяжении около двух с половиной веков, получить представление о частоте использования различных элементов поля. Исследование проводится на большом массиве материала языка художественной литературы, полученного на основе Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Выбранный фрагмент системы тропов — метафоры и сравнения, образы сравнения которых относятся к полю «Язык, речь», — это один из самых значительных, разветвленных и широких по охвату предметов сравнения. Компаративные тропы, составляющие предмет анализа в данной статье, являются одной из лексико-семантических групп, входящих в это образное поле.

В состав группы «Поиск и получение информации» входят две подгруппы слов. Первая связана с «вопросом» (*вопрос, спросить, вопрошать, выпросить, выспрашивать, спрашивать, спросить, расспрашивать, расспрос, переспросить, допросить, допрос*), вторая — с «ответом» (*ответ, ответить, отвечать, ответствовать, ответно, ответный*). Состав этих групп определялся с опорой на классификацию, данную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой (Русский семантический словарь, 2003; 2007); при этом в вышеприведенный перечень включены не все элементы соответствующих лексико-семантических групп, представленных в словаре, а только те, которые встретились в персонифицирующих метафорах при поиске в НКРЯ. Обе указанные группы связаны с ситуацией «диалога» и нередко представляют собой «вопросно-ответное единство».

Сама диалогическая ситуация в лирике не раз была объектом научного исследования (Левин, 1973; Бройтман, 1985; Ковтунова, 1986; Бердникова, 2008; Федосеева, 2009; Миннулин, 2010; Колокольцева, 2019 и др.), однако в число форм, указывающих на диалогическое отношение (вопрос, обращение, формы второго лица, императив, часто сопровождаемые восклицательной интонацией), не входили лексемы групп «вопрос — ответ». При этом сами вопросы и ответы в диалогической речи подлежали классификации (см. Голубева-Монаткина, 1991; 2004), однако не принимались во внимание особенности диалогических отношений в поэтическом тексте и также не изучались рассматриваемые нами лексемы. Собственно вопросительные предложения в лирике рассматривались в ряде исследований (Ковтунова, 1986, с. 128–139; Хазбулатова, 2012; Кульсарина, Хисамова, 2021). В частности, Т. А. Хазбулатова рассматривает лирический вопрос «как форму обнаружения неопределенности, неясности неких фрагментов действительности или неудовлетворенность данным положением дел, а также как наиболее явную и непосредственную форму осуществления внутреннего диалога как процесса познания действительности» (Хазбулатова, 2012, с. 5).

Лексемы со значением вопроса и ответа как маркеры диалогической ситуации в контекстах олицетворения во всех этих работах не были предметом изучения. Цель нашего исследования — рассмотреть с привлечением обширного корпусного материала функционирование дан-

ных лексем в русской поэзии XIX–XXI веков, определить семантические классы предметов олицетворения, с которыми они сочетаются, выявить их роль в организации поэтического текста, в формулировании мировоззренческих представлений поэта.

2. Семантическая классификация предметов олицетворения

Олицетворение, или персонификация (приписывание в контексте художественного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств (Петрова, Фатеева, 2019, с. 35), предполагает, что в позиции субъекта (в данном случае — в позиции говорящего) находится не-лицо. Нами были выделены следующие наиболее крупные семантические классы предметов олицетворения в сочетании со словами лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» в качестве персонификаторов: «Окружающий мир», «Время», «Внутренний мир человека», «Жизнь, смерть, судьба», «Части тела человека, физические состояния», «Социальный план человека», «Языковые явления». Самый обширный класс «Окружающий мир» подразделяется на подклассы «Атмосферные явления», «Водные объекты», «Животные», «Растения», «Земля, рельеф, пространство», «Небо и небесные тела», «Свет». «Звук», «Предметы, созданные человеком». Класс «Внутренний мир человека» подразделяется на подклассы «Душа, сердце», «Чувства, эмоциональные состояния», «Интеллект», «Совість»¹.

2.1. Семантическая классификация предметов олицетворения в сочетании с персонификаторами со значением «Поиск информации»

Персонификаторы со значением вопроса и ответа отличаются разной шириной охвата элементов перечисленных семантических классов предметов олицетворения и разной частотой употребления в стихотворных текстах. Здесь сразу отметим, что, судя по нашим подсчетам, слова со значением вопроса встречаются в текстах в целом в пять раз реже (около 70 контекстов), чем слова со значением ответа (около 350 контекстов), хотя сам их набор шире. Это свидетельствует о том, что вопрошать более свойственно человеку — лирическому субъекту, и, соответственно, на вопрос отвечают все остальные сущности и реалии. Всеохватность отвечающих сущностей находит свое выражение в том, что в позиции субъекта может быть местоимение «всё»: «**Всё**, сокрытое в недрах творенья, / **Всё** душе *отвечает* на зов: / Из земли возникают растения, / Пробуждаются струны певцов...» (Н. Щербина 1846–1850), «Я с камнем беседу вел, имел разговор с золой, / *допрашивал* пепел изб, допытывал снег и лед, / я много сырых ночей вопригирку провел с землей, / и *всё* отвечало мне: болотами лишь вперед!» (С. Кирсанов 1943).

¹ Данная классификация при словарном описании олицетворения уже была апробирована нами в работах (Петрова, Фатеева, 2019; 2021).

Рассмотрим сферу охвата персонификаторов со значением вопроса. Контексты с ними, как уже было сказано, встречаются не очень часто. Из реалий и существ окружающего мира слова со значением вопроса чаще всего характеризуют *зверей и птиц* — *конь, птица, ворон*: «Если ж случилось, что *рыцарев конь*, на свободе бродивший По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто *Спрашивал*: скоро ли в битву?» (В. Жуковский 1836), «В маленькой клетке щебечет и мечется, Что-то повторяет бесконечное. Войдешь — *расспросы за расспросами*, Хлопоты знакомые» (И. Эренбург 1915), «Там залетная лишь *птица* *Вопрошает* тишину» (Б. Лившиц 1934), «Что не *спросит ворон* вещей, Пролетая: “Как дела?”» (Н. Овсянников 1938).

Из реалий неживой природы — это

- *свет и светила*: «Чрез отверстый зев утесов Сверху в сей заклеп земной Робко входит *свет дневной*, Будто он лишь для *расспросов*: Что творится над землей?» (В. Бенедиктов 1839), «Встречные тихо ее [душу] *вопросили светила*: “Что ты грустна? <...>”» (А. К. Толстой 1858), «Рассказали страшное, Дали точный адрес. Отпирают, *спрашивают*, Двигутся, как в театре» (Б. Пастернак. Звезды летом, 1917—1919), «Ой-ей-ей, *спроси* меня, *ясная звезда*, Не скучно ли долбить толоконные лбы?» (А. Башлачев 1985);

- *атмосферные явления* — *дождь, ветер, гром*: «*Дождь*, верно, первым выйдет из лесу И *выспросит*, где тор, где топко» (Б. Пастернак 1921), «Когда туман росы алмазы сбросит, Влюбленной Суламифи и весны Гортанный окрик *ветер переспросит*» (Х. Кроткова 1927), «*Спросит гром* своих знакомых: — Вы, грома, видали, Чтобы липу до черемух Замуж выдавали?» (О. Мандельштам 1937);

- *водные объекты* — *волны, пучина*: «О, *волны*, нет ответа вам. <...> О чем вы *вопросаете*, О чем шумите вы, Когда вы одеваете Все ткани силены, Когда порой полдневною, Открыв лазурный взор, Сливаετε напевные Вопросы в стройный хор?» (М. Цетлин (Амари) 1905), «А Севастополь спит еще, И утро так пустынно, Кругом такая тишь, Что на *вопрос пучины*, — Откуда этот гром, В ответ пустыне пристани: От плеска волн по диску, От пихт, от их неистовства, От стука сонных лиственниц О черепицу крыш» (Б. Пастернак 1926—1927);

- *земля, камни*: «И *камни* о нем на своем языке *вопросили*: Чей вздох, — не дыхание ветра, — нас жжет?» (Н. Минский 1907), «Дисциплиной Сжав материки, По земле идут большевики, И *земля* у них *спросить* боится: В ту ли сторону она вертится?» (М. Светлов 1932).

В позиции вопрошающего субъекта могут быть и *предметы, созданные человеком*, в первую очередь производящие звук: «Дунешь в хвост, и жалобная *дудка* *Спрашивает* тихо: “Где мой дом?”» (С. Черный 1921), а также и некоторые другие: «*Предметы* вчуже *спрашивают*: — Вы ли / когда-то населяли этот кров?» (Б. Ахмадулина 1999), «В миг полуосени-полузимы / что твоя *туфелька* мне ворожила? / Мертвые листья она ворожила, / что-то *выспрашивая* у земли» (Е. Евтушенко 1971).

Задавать вопросы могут одновременно несколько реалий окружающей действительности, что выражается в конструкциях перечисления: «Даль скользит со словами: навряд и едва ль — От *расспросов ку-*

стов, полустанков и птах, И лопат, и крестьянок в лаптях на путях» (Б. Пастернак 1916), «Пусть спросят *синь* / и *желтизна*, пусть эта *церковь* спросит, / когда с лучом играет на холме, / пусть спросит *холм*, скрывающий покуда, / что с ним вовек не разминуться мне, / и *ветхий пруд*, и *дерево у пруда*, / пусть *осень* любопытствует: куда, / зачем спешу по направлению к лету / вспять увяданья?» (Б. Ахмадулина 1962). В последнем примере обращает на себя внимание глагол *любопытствовать*, синонимичный глаголу *спросить*.

Кроме реалий окружающего мира, предметами олицетворения в сочетании со словами лексико-семантической подгруппы «вопрос» могут выступать *сущности внутреннего мира человека*:

- в первую очередь *сердце*: «*Сердце* рвется *спросить* — Но вопрос на устах замирает» (П. Ершов 1834), «И *сердце*, уныло, Вдруг вспомнило ясно Счастливого прежде, И *сердце* спросило: Ужель изменило Всё то, что прекрасно?» (И. Мятлев 1834), «Снятся мне глаза, слегка косые, Бронзовые, скифские черты, И когда мне говорят: «Россия», *Спрашивает сердце*: «Ольга, ты?...»» (М. Вега 1955);

- *чувства* — *страсти, горе, страх*: «Роковые *вопросы страстей* — Рождение дня многошумного!» (А. Коринфский 1895), «В городе брошенных душ и обид *Горе* не *спросит* и ночь промолчит» (И. Эренбург 1940), «Но у князя дрожит / нога, / князь сегодня бежит, / но как? / Разве *спрашивает* / *страх*?» (В. Соснора 1959), «Но *вопрошал* мой *страх*: что с нею [сиренью]? не цветет ли?» (Б. Ахмадулина 1981)²;

- *интеллект* — *ум, дума*: «А если этот *ум* вдруг *спросит*: К чему так создан этот мир, А не иначе?» (А. Тимофеев 1834), «Не быть иль быть — *вопрос* прямолинейный / мне задает мой бедный *ум*» (И. Бродский 1961), «Моя *дума* за вашей летала, Она вашею мыслью жила И нередко себя *вопросила*: Где источник безумья и зла?» (Д. Михайловский 1881).

Совесть как элемент внутреннего мира человека особенно пристрастна к нему в вопросах: «Меня *допрашивает Совесть*: “Ты за день сделал ли, что мог? Был добр, и зряч? правдив, и целен? А чист ли был, скажи, твой слог? И просто, друг: ты был ли делен?”» (Вяч. Иванов 1912), «*Вопрошает совесть*, как священник, Обличает Мученика тень...» (А. Несмелов 1942).

Из *частей тела* человека чаще всего вопрошают *глаза*, при этом используются различные предикаты: «И всё ж *выспрашивают* наши *Глаза*, пытая из-под век, Здесь среди камней, поднявший чаши, Какой теперь пирует век?» (П. Васильев 1932), «Но ель еще в цвету, свежи ее гирлянды, / еще резва игра гаданий и шарад. / *Глаз* — фонари ее *допросит*: впрямь горят ли, / дознается: каков смысл, заданный шарам» (Б. Ахмадулина 1999).

Вопросы задают и *пальцы*, но в этом случае мы имеем дело с метонимическим употреблением: «Губы дышали зноем земли. «Ты здесь? ты здесь?» — *Пальцы спрашивали* И нашли» (И. Эренбург 1918).

² Во многих контекстах с предметами олицетворения семантического класса «Внутренний мир человека» наблюдается взаимодействие персонификации с метонимией: сердце и чувства выступают как заместители человека.

Сфера языковых явлений также связана с персонифицирующими предикатами со значением вопроса, в нашем материале зафиксированы спрашивать и допросить: «О слово вещее, слово — сила, О мысли членораздельный звук! Ты всю вселенную допросило. Познание — мощь наших слабых рук» (И. Коневской 1899), «О, Рифма, / бедное дитя, / у двери найденный подкидыш, / лепечешь, / будто бы хотя / спросить: “И ты меня покинешь?”» (С. Кирсанов 1971).

В семантической категории «Время» с предикатом вопрошать сочетается слово вечность: «Старюсь в сомненьях О великих тайнах, Идут невозвратно Веки за веками; У каждого века Вечность вопрошает: “Чем кончилось дело?”» (А. Кольцов 1833), с предикатом спросить — полночь: «Дым плывет по комнате, Гарью темень полнит. Полночь спросит: “Помните?” Что ж, скажу, запомнил!» (П. Коган 1936).

Надо отметить, что если слова подгруппы «Вопрос» относятся к лирическому субъекту — человеку, то адресаты вопросов тоже в определенной степени олицетворяются, например: «Как часто у судьбы я допросить хотел, Какую пристань мне она готовит... Зачем неравный бой достался мне в удел, Зачем она моим надеждам прекословит?» (А. Плещеев 1856), «Вершины белых гор Под красным солнцем светят. Спроси вершины гор — Они тебе ответят. Расскажут в тихий час Багряного заката, Что нет любви для нас, Что к счастью нет возврата» (К. Бальмонт 1898), «Стала озеро выспрашивать, Оно стало мне рассказывать Тайну тихую поддонную Про святую Русь крещеную» (Н. Клюев 1908–1918), «“Куда...” — спрашиваю я у ветра» (Н. Оцуп 1918), «Азбуку монахов-славянолюбцев Буквы знакомые с детства Буквы спрошу, хор кириллицы Отчего так злосчастливы, спрошу Люди нашей земли» (С. Стратановский 1990–1999).

2.2. Семантическая классификация предметов олицетворения в сочетании с персонификаторами со значением «Получение информации»

Гораздо более частотны слова подгруппы «Ответ» в качестве персонификаторов. Они характеризуют намного более широкий круг реалий во всех семантических классах предметов олицетворения, чем слова со значением вопроса. Отмечены и такие классы предметов олицетворения, элементы которых не были зафиксированы или представлены единичными контекстами в сочетаниях с персонификаторами со значением «Поиск информации». Таков, например, класс «Растения», который содержит разнообразные видовые обозначения

- *деревьев*: дуб, ель, сосны, тополь, береза, родовое слово — *деревья*: «Но зато листвою жесткой Отвечать совсем не прочь [дуб] И тому, что день подсказет, Что тебе нашепчет ночь!..» (К. Случевский 1902), «Не забудут сосны шумом Отвечать на ветер с моря, И мечты валам угрюмым Откликаться, бору вторя» (В. Брюсов 1911), «Луч бродит ощупью <...> А сосны, как палат незыблемых столпы, В угрюмо-сизые стеснились толпы, Лучу воинственным багрянцем отвечают И, равнодушные,

ущерб времен встречаются» (Вяч. Иванов 1919), «И ночь надо мной, и так надо мною скучает, / что падает ключ, и *деревья* ему *отвечают*, / и выше растут и, встречаясь с другими ключами...» (О. Седакова 1976–1978);

• *их совокупностей и частей: дебрь, лес, бор, ветки, листва*: «Он имя милое невольно повторяет; Сказав однажды, я стремлюсь его твердить; И *дебрь* пустынная, всех тайн моих могила, Ему *ответствует* стенанием глухим» (А. Мерзляков 1806), «И тогда *ответит* нам Шумом *лес* темнородый, Залепечет по камням Ключевой язык природы!..» (И. Уткин 1930), «И на оклики черные вранов *Отвечает* нам *бор* угрюмо» (Б. Нарциссов 1974), «Слышат древесные *ветки*, Стали цветам *отвечать*: “Полно вам, милые детки, Без толку хором болтать!”» (К. Случевский 1898), «Если воздух внести на руках, как ребенка грудного, / в зацветающий куст, к недающимся розам, к сурово / *отвечающим веткам* <...>» (О. Седакова 1976–1978), «Как будто соловей взалхлеб поет на ветке И вздохами ему *ответствует листва*» (В. Блаженный 1992);

• *цветов*: «Мой *цветок* распускается цветом своим, И из всех лепестков, *отвечая* весне, Льет живой аромат под дыханьем твоим» (К. Случевский 1889), «Мне вздохом *роза* *отвечала*: “Твою царицу я встречала В садах невест, где ждет, грустна, С дарами роз и мирт Весна”» (Вяч. Иванов 1910–1911), «Смеется краска, смеется линия; *Ромашки* шутят своим *ответом*» (В. Набоков 1916);

• *трав, злаков*: «Слушала *осока*, глубоко вздохнула, *Отвечает* ветру: “Ветер-благодетель, Буде ваша милость вовсе бы не дула, Я росла бы прямо, стройно! <...>”» (К. Случевский 1898), «Мне *травы* на крик *отвечали* И плакали росы со мною» (М. Шкапская 1921), «*Отвечала* мне *тишеница*, / чуть качая головой» (Е. Евтушенко 1955).

Большим количеством контекстов отличается класс предметов олицетворения «Звук», также не представленный в нашем материале в сочетании со словами со значением вопроса. Он содержит родовое слово *звук* и различные обозначения звуков: *эхо* (самое частотное), *стук*, *звон*, *гул*, *гудок*, *музыка*: «Я лиру взял рукой нетерпеливой, И первый *звук* *ответил* чудно мне» (П. Ершов 1838), «И эхо гор захохотало, И *эхо* волн им *отвечало*» (А. Хомяков 1820), «Как птице, мне *ответит эхо*, Мне целый мир дорогу даст» (Б. Пастернак 1958), «Вы прикоснетесь – вам *ответит* Сухих костей звенящий *стук*» (М. Шкапская. Мумия, 1913–1917), «Медлит Шерэ, не находит Слов, в раздумье погружен. За него царю *ответил* Тяжкий, похоронный *звон*» (М. Цветаева 1940), «На полях, неживых и бесплодных, Замирая, к земле я прильнул: Мне *ответил* глубинный и водный, Вдалеке нарастающий *гул*» (Б. Нарциссов 1958), «И вот гудку за беспримерной далью Другой *гудок* *ответствует*» (Э. Багрицкий 1924), «А если кто и выронит смычок, То *музыка* сама себе *ответит*» (С. Гандлевский 1977), а также слова со значением ‘отсутствие звука’ – *тишина*, *молчание*: «Завет апостола: «не угашайте духа!» – Напоминаю вам. <...> *Ответит тишина* могильная – затем, Что духа нет, дух угасили» (А. Жемчужников 1888), «Но будет день, и на его рожок *Молчание* *ответит* из-за двери» (А. Несмелов 1924).

Еще один семантический класс предметов олицетворения, отсутствующий, по результатам нашего поиска в НКРЯ, в сочетаниях с персонификаторами лексико-семантической подгруппы «Поиск информации», — это «Жизнь, судьба, смерть» (экзистенциальные категории). Чаще слова подгруппы «Получение информации» характеризуют жизнь и судьбу. *Жизнь* отвечает на ситуации окружающего мира: «Иной порою, в дни ненастья, Все в мире душу тяготит; Порою улыбнется счастье, *Отвечно жизнь* заговорит» (А. Кольцов 1829), «Юг средиземный, день лучистый, сияющая тишина! / Таинственна, первоначальна — в ней тонут небо и земля, / и как-то радостно-печально / ей *отвечает жизнь* моя» (С. Маковский 1905–1962). Ответ жизни может быть адресован и лирическому субъекту: «Нет, никого не назову я милой, И если *жизнь* *ответит* мне могилой, Я этот дар с покорностью приму» (С. Соловьев 1909–1912).

Судьба ведет диалог только с человеком — лирическим субъектом или персонажем стихотворения, причем чаще не отвечает ему: «Я говорил судьбе жестокой: “Зачем ты губишь милый цвет? Зачем лилее одинокой Опоры, тени в мире нет?” *Судьба молчит*, вещать не смея, *Судьба ответа не дает*» (В. Туманский 1828), «Все дешево при жизни было мне. И сердцу *не ответила судьбина*. Уж большая известна половина Судьбы — потери грустные одне» (О. Охупкин 2000) или ее ответ остается неразгаданным: «Только смерть, только смерть неминуемая Разгадает — могучая — Роковые *ответы судьбы...*» (А. Коринфский 1895).

В редких случаях отвечает человеку и *смерть*: «Без имени, без масок — шумной массой Они творили жизнь и хаосы побед, И *смерть* чудовищной гримасой Им засмеялась *в ответ*» (Н. Тихонов 1913–1919).

Высокой частотой употребления в сочетании с персонификаторами лексико-семантической подгруппы «Получение информации» характеризуются обозначения *атмосферных явлений*, особенно *ветра*: «“О боже, о боже, как зол этот бал!” “Убийца!” так *ветер* ему *отвечал*» (Б. Лапкин 1922), «Зову я — мне *ветер* рыдает *в ответ*» (М. Лохвицкая 1902–1904). Кроме ветра, отвечают как разным природным явлениям, так и лирическому субъекту *ураган*, *буря* и *вьюга*, *дождь*, *ливень*, *гром*: «Лишь *ураган* мне *отвечает* Один из-за реки» (М. Михайлов 1862), «Мать заунывно поет. «Вырастет дитячко слабенький, хиленький!» — *Буря ответ подает*» (Л. Трефолов 1894), «Кто там ходит под конвоем / “в белом венчике из роз”? / Глуховатым *вьюга* воем / *отвечает* на вопрос» (Н. Горбаневская 1997–1999), «“Я первый, — он рек, — и последний”», — и гулко *ответили громы*» (К. Бальмонт 1907), «В чем причина отлучки? Раздается *в ответ* Струйка *ливня* из тучки, В роще вспыхнувший свет» (Ю. Мориц 1973).

Столь же разнообразны и частотны обозначения отвечающих (чаще всего лирическому субъекту) *водных объектов*: *струя*, *волна*, *река*, *ручей*, *море*, *озеро*, *источник*: «На жалобы мои, казалось, *отвечали* И камни дикие, и быстрых *вод струи*» (А. Крылов 1821), «Но *волны* лишь *в ответ* шумят На зов отчаянный Уллина» (В. Жуковский 1833), «И в берега озера бьются, А *море* дальний шлет *ответ*» (И. Коневской 1900), «О, море-лев, зачем тебе москит, / пусть улетит. <...> Зачем тебе докучли-

вый купальщик? *Ответствовало море*: — Это ты / валов моих невольная докука» (Б. Ахмадулина 1993), «Утоли мою жажду, лесная река, Напой меня досыта нежной водой! <...> *Отвечает река*: “Если хочешь, испей, Наклонись и отведай студеной волны <...>”» (А. Штейнберг 1936).

Предметы олицетворения семантического класса «Земля, рельеф» тоже часто отвечают как природным реалиям, так и человеку. В этот класс входят такие обозначения, как *земля, гора, камень, степь, доли, холмы, берег* и др.: «На жалобы мои, казалось, *отвечали* И *камни* дикие, и быстрых вод струи» (А. Крылов 1821), «Несусь ли я на коне, — *Степь* *отвечает* мне» (М. Лермонтов 1831), «*Отвечает гора* голосам облаков, Каждый камень становится жив...» (К. Случевский 1876), «Поет струна, встает укор, А где-то — водопады, — И долог гул *окрестных гор*, *Отвечают* громады» (К. Бальмонт 1899), «Далеко ржет и долго кобылица. И трепетом *ответствует земля*» (М. Волошин 1909), «Медленно будем идти и внимательно слушать. / Палка в землю стучит, / как в темные окна / дома, где рано ложатся: / эй, кто там живой, отоприте! / И, вздыхая, *земля* *отвечает*: / кто там, / кто там...» (О. Седакова 1976—1978).

Несколько менее частотны среди обозначений природных реалий, сочетающихся с рассматриваемыми персонификаторами, обозначения *небесных светил: звезда, месяц, луна*: «Скажи, луна, за что страдали Они [монахини] в плену своих светлиц? <...> — И был *луны* *ответ* печален В стенах угрюмого Кремля» (М. Цветаева 1908), «Но страшно вдруг очнуться ночью И встретить тишину воочью. Она молчит неуловимо И усмехается незримо. Ей с ироническим приветом *Ответил* *месяц* мертвым светом» (Б. Садовской 1935), «Молча дерево что-нибудь скажет, Молча *месяц* *ответит* ему» (Д. Самойлов 1984), «Душе на два голоса пелься, Земле *отвечала* *звезда*» (Ю. Кузнецов 1977).

Среди метафорических контекстов этого семантического класса надо отметить контекст Л. Мартынова, в котором персонификация луны подчеркнута стилистически сниженной синекдохой: «Серый час был мутен и обманчив, И хотелось закричать кому-то: “Помогите! Я уже не мальчик, Заблудился в поисках уюта!” Но из полумрака *отвечало* *Лунное* *морицинистое рыло*: “Что же! Удивительного мало! И меня туманами закрыло”» (1922).

Помимо объектов неживой природы со словами *ответить, отвечать, ответ (в ответ)* достаточно часто сочетаются названия *птиц и зверей*. Они отвечают

- лирическому субъекту или персонажу стихотворения: «Скорей пойду я в степь иль в темный лес, Где песнями *ответят* только *птицы* На громкий мой привет: Христос воскрес!...» (Д. Минаев 1868), «Пою — и помыслам неведом детский страх: Пускай на пенье мне *ответят* воем *звери*» (А. Фет 1889), «Но, прижавшись к перилам дубовым, Вдруг завыл он [пленник], спокойный и хмурый, И согласным *ответили* ревом *И медведи, и волки, и туры*» (Н. Гумилев 1908), «Вдоль забора к оврагу бежит ручеек, А над ним, средь ветвей, мне *в ответ* *Соловей* говорит по-турецки: йок-йок, Это лучше, чем русское “нет”» (С. Липкин 1972);

• друг другу: «Петух свой окрик прогорланит, И вот он вновь надолго смолк <...>, Но где-то в дальнем закоулке Прокукарекает сосед. Как часовой из караулки, *Петух* откликнется *в ответ*» (Б. Пастернак 1956), «Там слышен крик совы, ей *отвечает филин*» (И. Бродский 1977), «— Скрыты в чащах наши веси, — *Отвечает конь* коню, — Не сыскать их в черное лесье Ни мечу и ни огню» (Д. Самойлов 1974–1981);

• природным феноменам: «Лишь только смолкла песнь весны, Что дальних вод струи, — Как ей *в ответ* согласные Запели *соловьи*» (И. Лялечкин 1894), «И в темной тишине в тональности A-dur Валторной золотой даль огласил Арктур. И тут же за бугром ему *ответил пес*» (О. Охалкин 1969).

Активно употребляются в сочетании со словами подгруппы «Ответ» и обозначения различных предметов, созданных человеком, чаще всего это *предметы, издающие звуки, в первую очередь музыкальные инструменты и их части*. Они отвечают лирическому субъекту: «в день печали Задумчивой игрой мне *струны отвечали*» (А. Пушкин 1821), реалиям и явлениям окружающего мира: «Повесь ее [*арфу*] в доме против окна, Чтоб ветер осени играл над ней, И чтоб ему *ответила* она Хоть отголоском песен прошлых дней» (М. Лермонтов 1830–1831), «Демон снежный Поет-гудит над гранью крыш, — *В ответ пьянино* звякнет нежно, Да крикнет пол — и снова тишь...» (С. Черный 1924), «Когда мы над пиршеством сдвинем хрусталь И тонкому звону бокала Рокочущим вздохом *ответит роаль* <...>» (Вс. Рождественский 1943).

Помимо музыкальных инструментов, человеку, природным явлениям и друг другу отвечают и другие *предметы*, среди них — *могущие издавать звуковые сигналы*: «На крик и на слезы — *Отвечают паровозы*, Да хором Поют о братстве народов...» (А. Белый 1918), «И ночь была, и был мороз, Снега мерцали голубые, Внезапно крикнул *паровоз*, Ему *ответили другие*» (Л. Мартынов 1924), «И я верю: с вершин Кремля, Быть может завтра на рассвете, “Куда идти, в кого стрелять?” — Я спрошу, и *каланча ответит*» (М. Светлов 1923), а также *производящие звуки при функционировании, движении, ударе*: «В широкошумном качается море Снова со мной корабля колыбель. <...> Зыбь разблажилась и воем глубоко, Дерзко клокочет *машина в ответ*» (К. Павлова 1857), «Пусть на твой удар, со стоном, *Сталь ответит* гулким звоном, Ты героем будь, кузнец, И из стали скуй венец» (М. Леонов 1906), «В свисте вьюги взрывы смеха; Чутко плачет *печь в ответ*» (В. Брюсов 1922), «Попробуйте — камнем — заставьте греметь, Заставьте дрожать беззащитную медь — И *пушка ответит* с кремлевской твердыни На чисто французском, с оттенком латыни» (М. Тарловский 1926), при этом звук, производимый в ответ, часто обозначен именем существительным в творительном падеже: «Только спросишь: «Который час?» — И по улицам отдаленным Мне любезно с Кремля *каланча Отвечает взволнованным звоном*» (М. Светлов 1923), «Финские сосны в уме побежали, С улицы *лязгом ответил обоз*» (Н. Тихонов 1927), «Чужой сквозняк ударил по стеклу. *Шкаф отвечал разбитою посудой*» (Б. Ахмадулина 1964), иногда ответ может быть эхом: «В кремлевскую ночную тьму Вступил, смеясь довольным смехом, Безумец Ницше, и ему *Кремль отвечает мрачным эхом*» (А. Баркова 1954).

Реже ответ предметов не связан со звуком, представляя собой элемент условного, воображаемого диалога: «Бегу, ищу, желаю пристань, И говорю уже себе: “Сожгися мозг и сердце выстынь, Не покорившись судьбе!” И слышу я *в ответ*, как эхо Моей мятущейся судьбы, — Ответ иронии и смеха, Как молвят *вещи гробы*: “Ты не уйдешь от пут жестоких, От клеветы и от могил, Погибнешь в муках одиноких За то, что много возлюбил!..”» (К. Фофанов 1906), «Если ты спросишь, Из какой я части света, Где я жил и что я видал, Загляни в мой карман: Тебе *ответит* на это *Ломоть черного хлеба*, Читающий “Капитал”» (Э. Багрицкий 1931), «Сказал коньяк: — Меня бранят, А я совсем не виноват!.. Ведь бюрократ, чинуша тот Тебя во всех шалманах пьет... И говорит: “Я за народ!..” И говорит: “Я патриот! Я водку русскую люблю, Ее, родную, пригублю!..” — Что ж! — *Водка* молвила *в ответ*: Тут ничего плохого нет, Что, славу родины любя. Он пьет меня, а не тебя!» (Н. Глазков 1956).

В сфере внутреннего мира человека наиболее частотны сочетания слов *сердце* и *душа* с предикатами со значением ответа. Сердце и душа отвечают другому человеку: «Когда мне встретит твой душе понятный взгляд И *сердцем* *отвечать* на дружбы глас священной?..» (В. Жуковский 1809), «Твоим — твоей от начала Хочу пребыть в себе, Чтоб *сердце* тебе *отвечало* — Сердце — в себе самом» (З. Гишпиус 1928), сердцу другого: «*сердце сердцу* не *ответит* И зова страсти не заметит» (Г. Адамович 1918–1920).

Душа и сердце отвечают лирическому Я в процессе внутреннего диалога: «Я говорил душе: — Душа моя, родная, Зачем меня будить? Приди, уснем. — *Душа* *ответила*: — Взгляни, как зарева Зарделась полоса. Пора. Покинем дом» (Б. Лившиц 1934), «И *сердце* *ответило*: легче / мне землей надыхаться» (О. Седакова 1975).

Борьба двух начал в человеке — рационального и эмоционального — представлена в споре души с другим элементом внутреннего мира — рассудком: «И в миг прощанья с гордым и любимым, когда сквозь город двигался лафет, “Да!” — грозно говорил *рассудок*, / “Нет!” — / *ответила душа* неукротимо» (О. Берггольц 1934).

Но чаще всего сердце и душа отвечают природе — всей вселенной, солнцу, весне, волнам, реке, ветру, птицам и т. п.: «*Сердце* *ответит* вселенной ретиво: Дело мое — отвечая — рычать» (В. Каменский 1917), «Море стало мне близким, Откровенным и дружеским. *Сердце* сразу *ответило* волнению волн» (В. Каменский 1916), «Я не верю в черное начало, Пусть праматерь нашей жизни ночь, Только солнцу *сердце* *отвечало* И всегда бежит от тени прочь» (К. Бальмонт 1922), «Встанет ветер вся Русь, / и *душа* скитальцев *ответит*» (В. Набоков 1924), «Столько раз весна к нему зывала, *Сердце* *отвечало*: перестань!» (В. Перелешин 1945), «Вослед журавлиной станице / гляжу, будто это навек... / *Душа* *отвечает* сторицей, / и гучее солнце струится / из-под остывающих век» (Г. Семенов 1970–1979). Такую отзывчивость души и сердца лирического субъекта на происходящее в природе можно считать отличительной особенностью лирической поэзии.

В несколько раз менее частотны употребления в подобных контекстах элементов семантических классов «Интеллект», «Чувства», «Совесть»: «*Надежда* в сердце *отвечала*, — Неведом и конец нам вечности начала» (Н. Львов 1801), «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает, Тень мертвых уж близка, И *радость* горькая им снова *отвечает* И сладкая *тоска*» (В. Соловьев 1895), «Ты в аду — *отвечает совесть* И страшнее не было его» (С. Бобров 1914–1917).

Невысокой частотой отличаются в сочетании со словами со значением «Ответ» соматизмы: родовое обозначение *тело* и видовые наименования *уста, губы, рука, глаза, кровь* и др. Адресатом ответа может быть лирический субъект: «“Я здесь”, — *ответило* мне *тело*, — Ладони, бедра, голова, — Моей страны осиротелой Материки и острова» (Н. Клюев 1916–1918), «И телу я сказал тогда: “Ответь На все, провозглашенное душою”. И *тело* мне *ответило* мое, Простое тело, но с горячей кровью: “Не знаю я, что значит бытие, Хотя и знаю, что зовут любовью”» (Н. Гумилев 1921), «Между небом и городом мы одни, Балкон наш причален едва-едва... Ты хочешь, желаньем и волею ночи Сниму его с якоря на полет? И *кровь* моя *отвечает*: “Хочешь!” — И ветер горячий в голову бьет» (Е. Полонская 1925). Глаза, руки могут отвечать соответствующим частям тела другого человека, в этом случае смысл речевого сообщения часто затушеван, значение предиката сводится к реакции жестового типа: «Стою ль вдали, с безмолвною тоской, — Твой взор меня в толпе не отличает; Иль робкою коснусь к тебе рукой — Твоя *рука* моей не *отвечает*» (А. Крылов 1821), «Лишь дежурной улыбкой / *глазам* *отвечают глаза*» (Н. Коржавин 1961).

Достаточно редки и контексты с предметами олицетворения класса «Языковые явления», в основном они связаны с поэтическим творчеством (*песнь, стих, строка*): «*Песнь*, — ткань чудесная мгновенья, Всегда *ответит* на призыв; Она — сердечного движенья Увековеченный порыв; Она не лжет!» (К. Случевский 1890), «Помнишь, сердце, как бился *стих*, *Отвечая* стенаньем: — слава! — Чуть касались струн твоих Руки волхва — Вячеслава?» (В. Меркурьева (1925), «Но часто в газетную фразу / уходит живая строка. / Куда ты уходишь? Куда ты? / Тебя я с дороги верну! / *Строка* *отвечает*: “В солдаты!”» (С. Кирсанов 1945).

Слова семантической категории «Время», как и элементы большинства других семантических классов, в несколько раз чаще встречаются в сочетании с персонификаторами со значением «ответ», чем со значением «вопрос». Чаще всего в подобных сочетаниях фиксируется слова *ночь* и *полночь*, но в большинстве случаев с отрицательным значением: «Рождало чувство пустоты Вопрос — подобие мечты, И не могла мне до рассвета Пустая *ночь* *подать ответа*» (Н. Огарев 1850–1855), «Немая *ночь* мне не *дает ответа*» (А. Апухтин 1884), «Глухая *полночь* вовсе не *ответит*. Не шелохнутся крылья темноты» (Г. Гранин 1933); в редких случаях *ночь* отвечает лирическому субъекту, но ответ ее несет негативную эмоционально-экспрессивную окраску: «Чу... Стучатся... Кто там?.. На вопрос мой *в ответ* *Ночь* шепнула злоещее что-то И взглянула в окно...» (А. Федоров 1898).

Несколько меньшей частотой, чем слово *ночь*, характеризуется в сочетаниях со словами со значением «Ответ» слово *день*, но оно употребляется без отрицания, и ответы его не имеют негативной эмоциональной окраски: «Я *дней*, закорчившихся от пощечин, / срываю нынче *ответы* в небе!» (Н. Асеев 1916), «И жаркому гуденью [огня] / *день* *отвечает* тишиной, / лазурью с розовою тенью / и совершенной белизной» (В. Набоков 1937).

3. Конструкции, в которых употребляются персонификаторы со значением «Поиск и получение информации»

Обращают на себя внимание конструкции со словом *ответ*, которые бывают двух типов. С одной стороны, это синонимы предиката *отвечать*: *давать ответ*, *подавать ответ*, *слать ответ*, *послать ответ*: «Мой сын, учись — ученье свет, А неученье тьма; А *жизнь* на все уж *даст ответ*, По-своему, сама...» (В. Курочкин 1865), «Мать заунывно поет. “Вырастет дитячко слабенький, хиленький!” — *Буря* *ответ* *подает*» (Л. Трефолев 1894), «И дней ручьи луками вьются, И так играет с ними свет, И в берега озера бьются, А *море* дальний *шлет ответ*» (И. Коневской 1900), «И победила нежная лазурь Тьму всех ночей и молнии всех бурь; *Глаза* глазам *ответ* *послали* свой: “Я не сожгу тебя, цветок живой!”» (А. Несмелов 1942).

Очень часто слово *ответ* употребляется в конструкции с предлогом *в*: *в ответ*, обычно в сочетании с глаголами речи или других звуков, производимых человеком: «Бубенцы, как во сне, говорят, говорят, Точно сердцу о чем-то напомнить хотят... Сердце ноет в груди... *Сердце* *стонет в ответ*... Нет покоя ему и забвения нет! Бубенцы всё звенят: “Не уснуть... не уснуть...”» (А. Федоров 1903), «О, мой сон, мой лучший, мой единый, С темной жизнью сжиться научи! Чтоб не слышать шорох лебединый, Чтоб забыть могучие лучи! <...> Но *в ответ* я тихий шепот внемлю, *Шепот листьев*, падающих ниц» (М. Лохвицкая 1902–1904).

С другой стороны, слово *ответ* употребляется в сочетаниях с предикатами *ждать*, *просить*, *требовать*, *жаждать*, *искать*, *обратиться за* и пр., которые переносят его в лексико-семантическую подгруппу «Поиск информации»: «О, где ты, зной томительных ночей? Где пенье птиц, цветов благоуханье И животворных солнечных лучей Безмолвные, но жаркие лобзанья?.. Зачем мечты мою волнуют грудь? — Проплакала весна, исчезли чары лета... Зачем же *сердце* хочет их вернуть, И рвется к ним, и *требует ответа*?..» (М. Лохвицкая 1889–1895), «Былая жизнь, былые звуки, Букеты блеклых знойных роз, — *Всё* к сердцу протирает руки, *Ища ответа* на вопрос» (А. Блок 1898), «Всю ночь в наш сон ломился *гром*, Всю ночь он *ждал ответа*: Какое счастье — сон вдвоем, Кто нам позволил это?» (А. Кушнер 1970–1979).

Метафорические предикаты *ответить* и *отвечать* часто выступают в форме императива и сопровождаются обращением к соответствующим предметам олицетворения. Эти формы принадлежат к маркированным диалогическим формам внутреннего диалога; они создают по-

вышенную диалогичность текста. Чаще всего предметами олицетворения в обращениях становятся *природные объекты*: «— Гей, отзовись, степной орел седой! *Ответь* мне, *ветер* буйный и тоскливый!» (И. Бунин 1894), «Эй, *звезда*, *отвечай*, на потеху ли Ты навстречу солнцу летишь?» (В. Брюсов 1923), «Скажи, Альдебаран, *ответь*, *кольцо Сатурна*, Не узрим ли когда в личине безлазурной — Сквозь прорезь — новых глаз?» (Б. Лившиц 1934), «*Отвечай*, *волна*, — почему молчишь?» (Б. Рыжий 1996), иногда *созданные человеком предметы*: «Скорей *отвечайте*, *трамваи*, Спешите скорее, — куда же, куда Ковровый Баку Отплывает?» (Я. Шведов 1928), «Где же сына искать, ты *ответь* ему, *Спасская башня!*» (Ю. Кузнецов 1972), *сущности внутреннего мира и экзистенциального плана человека*: «И уйти... куда? — во мрак ли, В свет ли яркий?.. *Мысль*, *ответь!*» (В. Брюсов 1920), «*Ответь* нам, *судьба*, на неловкий замах: / не спали, гуляли, читали впотьмах, / что время всеобщим размером / писало на облаке сером» (М. Айзенберг 2000) (ср. выделенные И. И. Ковтуновой семантические группы обращений не к лицам (Ковтунова, 1986, с. 97)).

Надо отметить также еще один тип маркированных диалогических конструкций, в которых употребляются рассматриваемые лексемы: конструкции прямой и косвенной речи. Эти конструкции выводят диалог на поверхность текста. Большинство конструкций с прямой речью воспроизводят диалог, хотя бы одним из участников которого является не-лицо. Это может быть диалог лирического субъекта с некоторой сущностью окружающего мира: «Ох, лесочки бесконечные, Пошехонские, родимые! Что шумите, вековечные И никем не проходимые? *Отвечают сосны* дикие, Поклонившись от усердия: “К нам пришли беды великие, — Рубят нас без милосердия”» (Л. Трефолев 1870), «“Отчего на склоне Голубых ночей Ты поднялся, тополь, Гордый и ничей? <...>” Голова седая И девичий стан, *Отвечает тополь* Гостю хвойных стран: “Здесь простора много, Здесь лазурь и свет. Горная дорога — Жребий твой, поэт <...>”» (Вс. Рождественский 1928); со своей душой, внутренними состояниями: «Я говорил душе: — Душа моя, родная, Зачем меня будить? Приди, уснем. — *Душа ответила*: — Взгляни, как зарева зарделась полоса. Пора. Покинем дом» (Б. Лившиц 1934), «Пришла ко мне гостя лихая, Как дождь, зарядивший с утра. Спросил ее: — Кто ты такая? Она *отвечает*: — *Хандра*. — Послушай, в тебя я не верю. — Ты Пушкина плохо читал» (А. Кушнер 1970–1979).

Часто также воспроизводится диалог двух природных сущностей между собой: «Капля дождевая Говорит другим: “Что мы здесь в окошко Громко так стучим?” *Отвечают капли*: “Здесь бедняк живет; Мы ему приносим Весть, что хлеб растет”» (А. Плещеев 1860), «“Много нас в пышном расцвете, — Стали цветы говорить, — Больше, чем женщин на свете, Даже нельзя и сравнить!” Слышат *древесные ветки*, Стали цветам *отвечать*: “Полно вам, милые детки, Без толку хором болтать! <...>”» (К. Случевский 1898), «Море с голой степью говорило: “Это ты меня солончаками И польнью горькой отравила, Жарко дуя жесткими песками! <...>”. *Отвечает степь* морской пустыне: “Не по мне ли, море, ты ходило, Не по мне ли, в кипени и сини, За волной волну свою катило?”» (И. Бунин 1917).

Один из видов рассмотренных выше диалогических конструкций — вопросно-ответные структуры, в которых наблюдается диалог лирического субъекта с различными предметами олицетворения — не-лицами (одна из реплик диалога может представлять собой косвенную речь). Эти конструкции могут играть важную роль в размышлениях поэта об устройстве мира, о своем призвании, жизненном пути. В репликах нелиц звучат ответы на поставленные лирическим субъектом вопросы. Например,

- диалоги лирического субъекта с ветром, морем и солнцем о смысле своего существования в мире: «Я спросил у свободного ветра, Что мне сделать, чтоб быть молодым. Мне *ответил* играющий *ветер*: “Будь воздушным, как ветер, как дым!”. Я спросил у могучего моря, В чем великий завет бытия. Мне *ответило* звучное *море*: “Будь всегда полнозвучным, как я!”. Я спросил у высокого солнца, Как мне вспыхнуть светлее зари. Ничего не *ответило* *солнце*, Но душа услышала: “Гори!”» (К. Бальмонт 1901);

- диалог с межой о поисках счастья: «Я спросил у меж: “Далеко, Далеко ли край счастья зеленый?” *Отвечала межа* на ушко: “Это счастье — в тебе затаено...”» (И. Молчанов 1925);

- диалог со строкой о принятии решения в определенной жизненной ситуации: «Но часто в газетную фразу / уходит живая строка. / Куда ты уходишь? Куда ты? / Тебя я с дороги верну! / *Строка отвечает*: “В солдаты!” / Душа говорит: “На войну”» (С. Кирсанов 1945);

- диалог с пшеницей о самопознании: «Колосья трогал. / — Спрашивал пшеницу, / как сделать, чтобы счастье было всем. / “Пшеница, как? / — Пшеница, ты умнее... / Беспомощности жалкой я стыжусь. / Я этого, быть может, не умею, / а может быть, плохой и не гожусь...” / *Отвечала* мне *пшеница*, / чуть качая головой: / “Ни плохой ты, ни хороший — / просто очень молодой”» (Е. Евтушенко 1955).

4. Выводы

Итак, мы рассмотрели все контексты, полученные методом сплошной выборки из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка со словами со значением «Поиск и получение информации», выступающими в качестве персонификаторов в метафорических конструкциях. В результате анализа мы пришли к выводу, что они активно используются с предметами олицетворения разных классов, будучи одной из основных групп персонификаторов семантического класса «Язык, речь». Наряду с другими языковыми средствами они вносят диалогичность в художественный текст. При этом частота употребления слов со значением поиска информации в качестве персонификаторов в несколько раз меньше, чем слов со значением получения информации. Это связано с тем, что задавать вопросы в конструкциях персонификации более свойственно лицу — лирическому субъекту, а отвечать свойственно персонифицированному не-лицу. Выделены семантические классы олицетворения, выступающие в рассматриваемых

конструкциях, и сделан вывод, что их распределение по образам сравнения «вопрос — ответ» неравномерно. Так, в контекстах с вопросами не зафиксированы или представлены единичными контекстами предметы олицетворения семантических классов «Растения», «Звук», «Жизнь, судьба, смерть». Отмечены некоторые предметы олицетворения, которым свойственно оставлять вопросы без ответа, например судьба и ночь. Семантический анализ персонификаторов со значением «Вопрос» и «Ответ» дополнен синтаксическим анализом конструкций с этими персонификаторами, в которых наблюдается повышенная диалогичность текста. Это конструкции с императивом и обращением, прямая и косвенная речь, создающая диалогические, в частности вопросно-ответные, единства. Выявлена их роль в организации внутреннего диалога, в процессе которого формулируются важные для поэта мировоззренческие установки.

Список литературы

Бердникова Т.В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: На материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского. Саратов, 2008.

Бройтман С.Н. К проблеме диалога в реалистической лирике Пушкина // Бройтман С.Н. Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX в. Л., 1985. С. 157 — 171.

Голубева-Монаткина Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. 1991. №1. С. 125 — 134.

Голубева-Монаткина Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи. Классификационное исследование. М., 2004.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Колокольцева Т.Н. Текстоброуающий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. Т. 4, №1. С. 70 — 82.

Кульсарина И.Г., Хисамова Г.Г. Роль вопросительных предложений в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 10. С. 3040 — 3045.

Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague ; P., 1973. P. 177 — 195.

Миннулин О.Р. Об истоках лирической диалогичности // Литературоведческий сборник. Донецк, 2010. №43 — 44. С. 44 — 54.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского гос. университета. 2019. Т. 18, №1. С. 33 — 46.

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX — XXI вв. М., 2021. Вып. 6 : «Человек»: жизнь, смерть, судьба, время.

Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003. Т. 3.

Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. Т. 4.

Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Хазбулатова Т.А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Об авторах

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID 0000-0001-5390-8029

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0916-1161

Для цитирования:

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» как олицетворяющие метафоры в русской поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 30–48. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

UNITS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP 'INFORMATION SEARCH AND RECEIPT' AS PERSONIFYING METAPHORS IN RUSSIAN POETRY

Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia

Submitted on September 09, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2

The article analyzes a fragment of the metaphorical system in the language of Russian poetry from the 19th to 21st centuries. Specifically, the analysis focuses on personifying metaphors related to the semantic class of 'Language and speech' and the lexical-semantic group 'Information search and receipt'. The study aims to determine the functioning of these lexical units in Russian poetry, identify the semantic classes of the objects of personification they are combined with, and establish their role in the organisation of the poetic text and connection with the poet's worldview. The research uses the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus as its material and employs corpus, semantic field, and structural-functional analysis methods. The results show a higher frequency of words with the meaning 'Information receipt than Information search' as personifiers, with varying distribution over the comparison of 'question-answer' images. The analyzed figurative language introduces dialogism into the text, particularly through question-answer constructions with imperative

and address, direct and indirect speech, creating unity and increasing dialogicity. The role of such constructions in organizing the internal dialogue and formulating the poet's worldview attitudes is revealed.

Keywords: information search and receipt, question, answer, personification, language of the XIX – XXI centuries Russian poetry, dialogue, internal dialogue

References

Berdnikova, T. V., 2008. *Dialog v poeticheskom tekste kak proyavlenie idiotilya: Na materiale liriki A. A. Akhmatovoi i I. F. Annenskogo* [Dialog in the poetic text as manifestation of idiotstyle: on the material of lyrics by A. A. Akhmatova and I. F. Annenskii]. Saratov (in Russ.).

Broitman, S. N., 1985. To the problem of dialog in Pushkin's realistic lyrics. In: S. N. Broitman, ed. *Voprosy istorizma i realizma v russkoi literature 19 – nachala 20 veka* [Problems of historicism and realism in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, pp. 157 – 171 (in Russ.).

Fedoseeva, E. N., 2009. *Dialogicheskaya osnova russkoi liriki pervoi treti XIX veka* [Dialogic basis of Russian lyrics in the first third of the 19th century]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Golubeva-Monatkina, N. I., 1991. Classification study of questions and answers of dialogical speech. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 125 – 134 (in Russ.).

Golubeva-Monatkina, N. I., 2004. *Voprosy i otvety dialogicheskoi rechi. Klassifikatsionnoe issledovanie* [Questions and answers of dialogical speech. Classification study]. Moscow (in Russ.).

Khazbulatova, T. A., 2012. *Voprositel'nye konstruksii kak raznovidnost' dialogicheskikh form v poezii Borisa Pasternaka i Osipa Mandel'shtama*. [Interrogative constructions as a kind of dialogic forms in the poetry of Boris Pasternak and Osip Mandelstam]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Kolokoltseva, T. N., 2019. Text-forming potential of dialogue and dialogism figures in lyrical works A. A. Voznesensky and R. I. Rozhdestvensky. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 4 (1), pp. 70 – 82, <https://doi.org/10.17516/2311-3499-078> (in Russ.).

Kovtunova, I. I., 1986. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow (in Russ.).

Kulsarina, I. G. and Khisamova, G. G., 2021. The Role of Interrogative Sentences in a Poetic Text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (10), pp. 3040 – 3045, <https://doi.org/10.30853/phil210495> (in Russ.).

Levin, Y. I., 1973. Lyrics from communicative point of view. *Structure of texts and semiotics of culture*. The Hague: Paris, pp. 177 – 195 (in Russ.).

Minnulin, O. R., 2010. On the origins of lyrical dialogue. *Literaturovedcheskii sbornik* [Literary collection], 43 – 44, pp. 44 – 54 (in Russ.).

Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2019. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 18 (1), pp. 33 – 46, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3> (in Russ.).

Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2021. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX – XXI vv. Vyp. 6: «Chelovek»: zhizn', smert', sud'ba, vremya* [Materials for the dictionary of metaphors and similes of the 19 – 20 centuries Russian literature, no. 6. «Human»: LIFE, DEATH, FATE, TIME]. Moscow (in Russ.).

Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 09 September 2022]

Shvedova, N. Yu., ed., 2003. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary], Vol. III. Moscow (in Russ.).

Shvedova, N. Yu., ed., 2007. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary], Vol. IV. Moscow of Sciences (in Russ.).

The authors

Dr. Zoya Y. Petrova, Leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID 0000-0001-5390-8029

Dr. Natalya A. Fateeva, Chief researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0916-1161

To cite this article:

Petrova, Z. Yu., Fateeva, N. A., 2023, Units of the lexical-semantic group 'Information search and receipt' as personifying metaphors in Russian poetry, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 1, pp. 30–48. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

